

Виктор Ерофеев:

ОДНОФАМИЛЕЦ НЕ ДАЛ «НАТЩЕСЛАВИТЬСЯ»

Прошлый год для писателя Виктора Ерофеева был урожайным: вышел трехтомник его произведений, затем составленный им сборник «Русские цветы зла» и под финал два издания сборника его эссе «Мужчины».

Напомню, что Виктор Ерофеев — блестящий литературный критик, эссеист и прозаик — стал одним из главных инициаторов и авторов скандально знаменитого в застойные годы самиздатовского сборника «Метрополь» (почти «однофамильца» нашей газеты), за что и был исключен тогда из Союза писателей СССР. Но уже в первые перестроечные годы его имя вновь зазвучало и в связи с его рассказами, работами о творчестве Владимира Набокова и особенно громко — после издания романа «Русская красавица», переведенного на все мыслимые и немыслимые языки мира. Кстати, его рассказ «Жизнь с идиотом» стал основой для оперы Альфреда Шнитке и фильма Александра Рогожкина.

И вот на днях в издательстве «Подкова» Виктор Ерофеев представлял свою новую книгу «Пять рек жизни».

— Виктор почему именно пять рек, а не, допустим, четыре?

— Мне тоже всегда казалось, что по всем мифологическим, каноническим представлениям должно быть четыре реки, которые текут в разные стороны света. И библейская, и мусульманская, и персидская, и калмыцкая мифологии говорят о четырех реках. Но чем больше я плыл по рекам — Волге, Рейну, Гангу, Миссисипи — все больше убеждался в ограниченном характере связанных с этими реками религий. Я подумал, что должна быть пятая река, может быть, подземная или еще какая-то, которая должна дать что-то новое,

соединить новое сознание и веру. И я ее нашел — реку Нигер в Африке. Это молочно-зеленая река, протекающая по красной Сахаре и связанная с одной из самых древних — Догонской цивилизацией.

— А почему вы дали такой нахальный эпиграф: «Бог един» и подпись: «Бог»?

— Это не ерничество и не шутка. Я понял, что к концу XX века, после того, как цивилизации благодаря разным источникам связи так близко соединились, мы будем всем миром решать проблему новой божественной маски. Наверное, Бог так и останется сам по себе, но вот соединение богов, огромного количества богов, которое уже соединяет воображение человека, возможно в XXI веке. Этот век станет веком метафизической революции. Нынешние боги уйдут, как ушли старые боги греческого Олимпа. Так мне кажется, и это есть в книге.

— Виктор, теперь отвлечемся от новой книги. Как вам удалось «разобраться» с вашим знаменитым однофамильцем Венедиктом Ерофеевым, с которым у вас совпадают даже инициалы имени и отчества?

— Кто-то из критиков уже писал, что русскую литературу уничтожили люди с двумя «В», — это Василий Васильевич Розанов, Владимир Владимирович Набоков и два Ерофеевых. Ерофеев меня поставил... Я не знаю, как описать эту позу... Но это хорошая поза — она не дает натщеславиться. Потому что, допустим, я приезжаю в какой-то город, меня радостно встречают, дают хороший номер, а потом мне с восторгами подносят для автографа книгу «Москва — Петушки». Я греха на душу не брал, «Москва — Петушки» не подписывал. Венедикта Васильевича Ерофеева я бесконечно любил, а для того, чтобы с ним окончательно разобраться после его смер-

ти (а прошло уже восемь лет), я написал о нем эссе, которое опубликовал в «Общей газете», назвав: «Ерофеев против Ерофеева».

— В вашей предпоследней книге «Мужчины» вы большое место уделили и женщинам. Почему?

— Те изменения, которые произошли в обществе, подготовили женщины. У нас было так, что советский мужчина на работе много врал, а дома — пил. Русская женщина отстаивала человеческие ценности, отстаивала даже ногами. Тем, что отставила очередь за польской губной помадой, — женщина хотела быть женщиной, хотела любить и любила. Любовь для нее была важнее, чем коммунизм и все прочее. Это как раз наше общество склонилось и привело его к каким-то радикальным трансформациям.

— Многих отпугивает в вашей прозе употребление нетрадиционной лексики, матерного языка. Насколько для вас принципиально введение этого площадного словаря в литературу?

— Какая-никакая, но свобода, которая пришла, определила человеческие желания, человеческие страсти, более чутко отреагировала на человеческие отношения. Этому соответствует новый язык — и эта «чума», и «козел», и лексика типа «прибамбасы», «приколы» и все прочее. Поначалу она казалась дико варварской, а потом, когда я присмотрелся к ней, мне показалось, что в ней есть моменты, которые способны наш пассивный язык вылечить. Я действительно к этим словам отношусь с большим почтением. Я считаю, что «блин» правильно заменил одно «б» на другое, «крутой» правильно определило людей, к которым это слово применяется. А попробуй перевести «блин» или «прикол» на другой язык. Я этими словами, как и ненормативной лексикой, пользуюсь очень аккуратно. Интеллигентское шипение ни к чему, кроме как к какому-то отдалению интеллигенции от новых сил в обществе, не приведет. У нас единственно стильными людьми были долгое время воры, блатные и вообще бунтари. И здесь такая проблема: или мы этот стиль в данном уровне языка просто претворим в нейтральный и забудем о его блатных корнях (к чему близко подошел Высоцкий), или мы признаем, что мы блатное общество, где говорят на этом языке, но он не для литературы. Скорее всего, его лучше растворить, так же, как и мат в каком-то общем потоке языка.

P.S. За последнюю неделю книга Виктора Ерофеева «Пять рек жизни» по рейтингу продаж вышла на первое место, обогнав различных «киллеров» и бестселлер последнего времени книгу Андрея Михалкова-Кончаловского «Низкие истины».

Петр КУЗЬМЕНКО,
фото Кати ГАЙКА